

Р. А. НАСЛЕДОВА

**МАКЕДОНСКИЕ СЛАВЯНЕ КОНЦА IX—НАЧАЛА X в.
ПО ДАННЫМ ИОАННА КАМЕНИАТЫ**

Факт широкой колонизации славянами в VI—VII столетиях Македонии и Фракии, а также и других, более отдаленных областей Византийской империи, — Фессалии, Эпира, Пелопоннеса не вызывает в настоящее время сколько-нибудь серьезных возражений¹.

В отношении Македонии общепринятыми остаются основанные на обширной документации мнения М. Дринова, Ф. И. Успенского, Л. Нидерле и других авторитетных исследователей проблемы славянской колонизации, согласно которым Македония в VII в. была почти сплошь заселена славянскими племенами². Автор вышедшего в 1945 г. исследования о Восточной Македонии П. Лемерль полностью присоединяется к точке зрения указанных ученых, констатируя, что славяне были „особенно многочисленны в Македонии“, что „Македония в VII—VIII вв. была более славянской, чем греческой“³. Известно, что именно к этой области византийские писатели применяли в первую очередь характерное имя „Склавиния“ (ἡ Σκλαυινία) — страна славян⁴.

¹ Вновь предпринятая целым рядом греческих ученых (К. Амантос. Ἱστορία τοῦ βυζαντινοῦ κράτους, I. Athènes, 1939; Его же. Οἱ Σλάβοι εἰς τὴν Ἑλλάδα. Byzant.-Neogr. Jahrb., 16, 1939—1943; P. Charanis. On the social structure of the later roman empire. Byz., XVII, 1944—1945; Его же. The slavic element in Byzantine Asia Minor. Byz., XVIII, 1948; Его же. Nicephorus I, the Savior of Greece from the Slavs. Byzantina-Metabyzantina, I, 1946) попытка преуменьшить размеры славянской колонизации не выдерживает критики многочисленных и достаточно убедительных источников. В связи со стремлением Д. Георгакаса (D. Georgakas. Beiträge zur Deutung als slavisch erklärter Ortsnamen. BZ, 41, 1941, S. 374—376) снова подвергнуть изучению слово Σκλάβος и трактовать ἐσθλαβώθη в знаменитой фразе Константина Порфирородного: ἐσθλαβώθη πᾶσα ἡ γῶρα καὶ γέγονε βάρβαρος (Περὶ θεμύτων, II, Vonnae, p. 53) как ἐσθλαβώθη, т. е. „была обращена в рабство“, П. Лемерль (P. Lemerle. Philippes et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine. Paris, 1945, p. 117) справедливо спрашивает: кто же, если не славяне, были в таком случае господами этих рабов? Ср. H. Gelzer. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Abhandl. der philol.-hist. Classe Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Bd. XVIII. Leipzig, 1899, № V, S. 51.

² М. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами. Чтения ОИДР. М., 1872, окт. — дек., кн. IV, стр. 131, 133; Ф. И. Успенский. О вновь открытых мозаиках в церкви св. Димитрия Солунского. ИРАИК, т. XIV, ч. 1. София, 1909, стр. 40; L. Niederle. Manuel de l'antiquité slave. Paris, 1923, p. 65, 66, 104, 105.

³ P. Lemerle. Philippes et la Macédoine. . . , p. 115—116.

⁴ Феофан (Theophanes, ed. C. de Boor, p. 430) прямо указывает, что император Константин V (740—775) совершил поход κατὰ τὴν Μακεδονίαν Σκλαυινίας. Ср. Nicephorus, ed. C. de Boor, p. 36; Georgius Monachus, ed. C. de Boor, II, p. 729—730; Leo Grammaticus, Vonnae, p. 163 и др. См. о Склавиниях L. Niederle. Manuel de l'antiquité slave, p. 104—105, 114; М. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами, стр. 135, 151; F. Dvorník. Les Slaves, Byzance et Rome au IX-e siècle. Travaux publiés par l'Institut d'études slaves, IV, Paris, 1926, p. 12; C. Jireček. Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe. Prag, 1877, S. 70, 72 и др.

Вопрос о славянской колонизации значительно осложняется для более позднего времени. С ослаблением вооруженной борьбы между Византийской империей и осевшими на ее территории славянскими племенами сведения о последних значительно сокращаются, что нередко служит основанием для утверждения о быстрой ассимиляции и бесследном исчезновении славян в среде греческого населения. Поворотным пунктом во взаимоотношениях между империей и македонскими славянами в западноевропейской историографии принято, как правило, считать поход императора Юстиниана II, организованный против этой группы славянских племен в 688 г.⁵ В последнее время эта точка зрения была вновь повторена Ш. Дельвуа. „Отныне (т. е. после похода Юстиниана. — *P. H.*), — пишет автор, — размещенные в окрестностях города (Фессалоники) славяне стали жить в добром согласии с фессалоникийцами“⁶.

Помимо походов и карательных экспедиций, большое значение в деле „умиротворения“ и „эллинизации“ славян придается обычно их христианизации, а также политике массовых переселений, проводившейся византийскими императорами. Греческий ученый Кириакидес, указывая на это последнее обстоятельство, утверждает, в частности, что к IX в. славянские районы византийской Македонии были сильно грецизированы; в окрестностях Фессалоники, по его мнению, славянские племена жили лишь по склонам гор и не играли значительной роли в плодородных низинах⁷.

Проблеме славянской колонизации и критическому рассмотрению вышеуказанных положений зарубежной историографии был посвящен специальный раздел докторской диссертации Е. Э. Липшиц⁸. Автор этой работы, к сожалению еще не опубликованной, привлек едва ли не исчерпывающий фонд известных в настоящее время по этому вопросу источников. Здесь мы хотим лишь попытаться проанализировать с большей, чем это имело место до сих пор, полнотой и целостностью материалы о славянах, живших в окрестностях города Фессалоники, заключающиеся в сочинении византийского клирика начала X в. Иоанна Камениаты „На взятие Фессалоники“⁹. Сам фессалоникиец, современник описываемых событий, Камениата рисует достоверную этнографическую картину окружающих город областей; его труд дает возможность увидеть конкретные формы взаимоотношений между Фессалоникой (и, следовательно, вообще империей) и потомками расселившихся в VII в. в ее окрестностях славян, позволяет выявить некоторые черты их общественного устройства, а также определить ту роль, которую играли славянские племена в общем экономическом развитии города в конце IX—начале X в.

При знакомстве с сочинением Иоанна Камениаты мы встречаемся прежде всего с чрезвычайно интересным обстоятельством, отмеченным еще неутомимым исследователем истории Фессалоники — Тафелем: в труде Камениаты фигурируют те же самые славянские племена, которые

⁵ См., например, O. Tafrali. Thessalonique au XIV siècle. Paris, 1912, p. 5.

⁶ Ch. Delvoye. Salonique, seconde capitale de l'empire byzantin, et ses monuments. Revue de l'Université de Bruxelles, juillet—août, 1950, № 5, p. 409. Ср. также P. Lemerle. Philippe et la Macédoine. . . , p. 115.

⁷ St. P. Kyriakides. Ai peri ton Strumona kai tyn Thessalonikyn slavikai epoihsis: kata ton meson aiwona. Thessalonika Meletimata. 1. Thessalonike, 1939, S. 1—18, Ann. S. 37—42; См. BZ, 39, 1939, S. 544—545.

⁸ Е. Э. Липшиц. Византийское общество и его культура в VIII—IX вв. Лгр., 1950. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Рукопись. См. раздел: Славянская колонизация VI—IX вв. и ее роль в оформлении византийского феодализма, стр. 13 сл.

⁹ Ioannes Cameniata. De excidio Thessalonicensi. Bonnae, p. 487—600.

известны нам из рассказов Acta Demetrii об осадах Фессалоники славянами в VII в.¹⁰

Камениата называет поименно три славянских племени: другувитов (Δροῦβοῦβίται)¹¹, сагудатов (Σαγούδατοι)¹² и стримонцев (Στρίμωνίται)¹³.

Другувиты и сагудаты жили, по свидетельству этого историка, к западу от Фессалоники, на равнине, простирающейся до города Веррой (Βέρροια)¹⁴. Стримонцы располагались, как показывает само их название, в районе реки Стримона (Струмы), точнее по нижнему и среднему ее течению, доходя на западе до озера Лангазы¹⁵.

Таким образом, сам тот факт, что стримонцы, сагудаты и другувиты, спустившиеся к Фессалонике из-за Дуная еще в VI—VII вв. в числе многочисленных славянских племен, двигавшихся вглубь страны по ее естественным и наиболее удобным путям — долинам Вардара и Стримона, жили здесь и во времена Камениаты, не оставляет никаких сомнений. Они продолжали пребывать по соседству с городом и, несмотря на все мероприятия византийского правительства, направленные к их ассимиляции, представляли совершенно самостоятельные в этническом отношении группировки, сохранившие вплоть до X в. свои племенные названия.

Подтверждением указания Камениаты о местах расселения другувитов являются списки епископских кафедр, где другувитское епископство (Δροῦβοῦβιταίων, Δροῦβοῦβιτίων, Δουρβουβιτίας, Δουρβουβιτίας.) помещается между епископствами Верройским и Сервским, на реке Быстрице¹⁶, и договор крестоносцев о разделе Византийской империи в 1204 г., который также называет Дрогубитию соседнею с Верроей¹⁷.

Исходя из совокупности всех этих данных, некоторые ученые склонны были считать, что другувиты занимали западную половину равнины, расположенной между Фессалоникой и Верроей, восточную же ее часть занимали соседние с ними сагудаты¹⁸. Однако копия запродажной 897 г., сохранившаяся в архивах Лавры на Афоне¹⁹, упоминает χωρίον τῶν Δροῦβοῦβιτῶν совсем рядом с Фессалоникой и скорее к востоку от нее²⁰.

¹⁰ Th. Tafel. Historia Thessalonicae res gestas usque ad annum Christi DCCCCIV complectens. Tubingae, 1835, p. 54.

¹¹ Cameniata, p. 496,6. В Acta Demetrii они выступают под именем Δροῦβοῦβίται. PG, t. 116, col. 1325.

¹² Cameniata, p. 496,6. В Acta Demetrii они названы Σαγούδαται. PG, t. 116, col. 1325.

¹³ Cameniata, p. 546,3. Acta Demetrii называют их Σκλαβίνοι οἱ ἀπὸ Στρίμωνος. PG, t. 116, col. 1356. Различные формы имен этих и других славянских племен Македонии, а также их предполагаемые смысловые значения приведены согласно Шафарыку (P. Šafařík. Slavische Alterthümer, t. II. Leipzig, 1843—1844), Иречку (С. Jireček. Geschichte der Serben, Bd. I, Gotha, 1911) и Миклошичу (F. Miklosich. Lexicon Palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1863) в работе О. Tafel. Thessalonique dès origines au XIV siècle. Paris, 1919, p. 31.

¹⁴ Cameniata, p. 496,4—7.

¹⁵ L. Niederle. Manuel de l'antiquité slave, p. 106; F. Dvorník. Les Slaves, Byzance et Rome. . . , p. 13.

¹⁶ Hieroclis Synecdemus et Notitiae graecae episcopatum, ed. G. Parthey. Bero-lini, 1866, Notit. 2. 126; 3. 200; 10. 322; 13. 181.

¹⁷ Th. Tafel. Symbolarum criticarum geographiam Byzantinam spectantium, II, 71: „Provincia Berrhoeae cum cartularatis tam de Drogoubitia, quam de Scavitza“.

¹⁸ Th. Tafel. Historia Thessalonicae, p. 54; М. С. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами, стр. 168; L. Niederle. Manuel de l'antiquité slave, p. 106; F. Dvorník. Les Slaves, Byzance et Rome. . . , p. 36.

¹⁹ G. Rouillard et P. Collomp. Actes de Lavra, I. Paris, 1937, № 1, p. 1—4.

²⁰ Исследование данных, содержащихся в этом документе, см. в статье Е. Э. Липшица. „Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв. н. э.“. Сборник статей „Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия“. М., 1952.

Не ограничивались равниной между Фессалоникой и Верроей и поселения сагудатов в Македонии; как известно, один афонский документ, изданный Порфирием Успенским, констатирует присутствие сагудатов и ринхинов во времена императоров-иконоборцев (*κατὰ τὰς ἡμέρας τῶν εἰκονομάχων βασιλέων*) на Халкидикe²¹.

Данные Камениаты о славянских племенах, населявших в его время области, прилегающие к Фессалонике, а также указания этого автора на места поселения другивитов и сагудатов, весьма ценные своей достоверностью, отнюдь не могут считаться, разумеется, сколько-нибудь полными. Сведения о славянах, содержащиеся в сочинении Камениаты, вообще приводятся им лишь в той мере, в какой это необходимо для его повествования о захвате в 904 г. Фессалоники арабским флотом Льва Триполийского. Из рассказа Камениаты об обращении Фессалоники за помощью к славянам, можно, однако, видеть, что славянские поселения имелись во всей прилегающей к городу области, — послания к ним были разосланы „по всей окрестности“ (*διὰ πάσης τῆς περιχώρου*)²².

Попытаемся рассмотреть те сведения, которые сообщает Иоанн Камениата о взаимоотношениях между жившими в окружающей Фессалонику области славянскими племенами, с одной стороны, и Византийской империей, с другой.

В сочинении Камениаты мы находим совершенно определенные указания на то, что славянское население Фессалоникской фемы уплачивало империи подати. В одном случае, говоря о селениях (*κώμαι*) другивитов и сагудатов, Камениата отмечает, что они платят подати городу *πρὸς τῆ πόλει τελοῦσι*²³. В другом случае, рассказывая о решении руководителя обороны города — стратига Никиты обратиться за помощью к славянам, он сообщает, что часть славян из ближних местностей (*τῶν πλησιοχώρων Σκλαβήνων*) подвластна стратигу Стримона (*ὑπὸ τὸν στρατηγὸν Στρυμόνος*), а часть платит подати *ὑφ' ἡμᾶς*²⁴, т. е. Фессалонике, — иными словами Византийской империи, так как в Фессалонику, как столицу фемы, поступали первоначально все налоговые сборы с населения последней; значительная их доля оставалась в фемной казне и шла на нужды самой фемы, а остаток отсылался в Константинополь, в центральную государственную казну²⁵.

Рассказ Камениаты о результатах этого обращения Никиты к славянам позволяет увидеть и другую существенную сторону во взаимоотношениях между империей и славянами. На призыв Никиты откликнулись лишь очень немногие славянские воины (*ὀλίγοι μὲν τινες ἀφελῆς*), которых „легко можно было пересчитать“ (*λίαν εὐαρίθμητοι*)²⁶. Весьма любопытно при этом объяснение Камениатой причин подобного поведения славян. „Это произошло из-за того, — поясняет он, — что архонты, которым они были вверены, были невежественные и весьма дурные, ставящие свою выгоду выше общего блага, от рода злоумышляющие против ближнего, стремящиеся к получению подарков и не отдающие предпочтения ничему иному, кроме получения их. Ибо хотя вышеупомянутый

²¹ П. Успенский. История Афона, т. 3. Киев, 1877, стр. 311. Как полагает Е. Э. Липшиц („Византийское общество и его культура в VIII—IX вв.“, стр. 32), крещение этих племен, упоминаемое в указанном документе, следует относить не к первому периоду иконоборчества, как это обычно делалось, а ко второму его периоду, к первой половине IX в.

²² *Самениата*, р. 514, 19—20.

²³ *Ibid.*, р. 496, 5—6.

²⁴ *Ibid.*, р. 514, 14—15.

²⁵ Д. Ангелов. История на Византия, ч. I. София, 1950, стр. 345.

²⁶ *Самениата*, р. 514, 22—515, 1.

Никита, — продолжает Камениата, — и дважды, и трижды и множество раз пытался письмами устроить стратига Стримона (του στρατηγόν Στρίμωνος), обвиняя его в медлительности и (предупреждая), что если город претерпит какое-либо несчастье, то это ему одному будет поставлено в вину перед императором (ἐπὶ τοῦ χρυτοῦτος), тот нисколько не менее, чем прежде, был исполнен обычной злокозненности; презрев сначала страх перед богом, а затем и перед людьми, и ставя ни во что гибель такого города, (он) решил, что ни сам, и никто из людей, подвластных ему, не придет к нам, осажденным, и не отразит от нас такое несчастье, но введши нас всех в заблуждение постоянным ожиданием его прибытия до самого последнего дня осады, он тайно осуществил заговор против нас, вволю и коварно надсмеявшись над гибелью, которой мы были обречены“²⁷.

Из приведенного отрывка явствует, что на помощь городу явились только немногочисленные отряды славян Фессалоникской фемы, а стримонские славяне не пришли вообще²⁸.

Почти полное игнорирование фессалоникскими славянами возвания верховного военного командира своей фемы с неоспоримостью говорит о том, что их воинская повинность по отношению к империи была в значительной степени формальной.

Во времена Камениаты, как показывает этот же отрывок, славяне все еще находились под непосредственной властью своих вождей. О князьях солунских славян писал и Лиутпранд²⁹. Сообщения Камениаты позволяют увидеть, что эти славянские вожди резко противопоставляли свои интересы (τὸ οἰκεῖον) интересам фессалоникийцев, общеимперским интересам (τὸ τοῦ κοινού)³⁰. Такое противопоставление вполне естественно, если учесть, что имеющиеся в нашем распоряжении источники с большей или меньшей ясностью говорят о том, что еще во втором десятилетии IX в., а также в царствование Михаила III (842—867) в прилегающей к Фессалонике области существовало какое-то полунезависимое славянское княжество. Как известно, автор жития Григория Декаполита сообщает о том, что в начале 20-х годов IX в. произошло „немалое восстание экзарха (ἐξάρχουτος) Склавинии“, которую издатель этого жития, Ф. Дворник, склонен локализовать к северо-западу от Фессалоники, в местах жительство другувитов³¹. Житие указывает также на тот знаменательный факт, что жители Фессалоники, если они хотели пройти на территорию этой, возглавляемой экзархом, Склавинии, должны были запастись особым документом (σφραγίδος)³². Константин Порфирородный рассказывает о переговорах императора Михаила III со славянами Фессалоникского княжества (Σκλάβοι Θεσσαλονίκης ἀρχοντίης)³³. Очень возможно, что ἀρχοντίης Константина Порфирородного как раз и была той Склавинией жития Григория Декаполита, во главе которой стоял экзарх:

²⁷ Cameniata, p. 515, 2—19.

²⁸ Ср. также *ibid.*, p. 546, 2—3.

²⁹ Liutprandi Antapod., III, 24. PL, t. 135, col. 843.

³⁰ Cameniata, p. 515, 4. Ср. также 545, 19, где Камениата снова обвиняет славянских предводителей в том, что они всегда думают только о своей собственной выгоде (ἀεὶ δὲ τὸ οἰκεῖον προορώμενοι).

³¹ F. Dvorník. La Vie de s. Grégoire le Décapolite et les Slaves macédoniens au IX-e siècle. Travaux publiés par l'Institut d'études slaves, V. Paris, 1926, p. 35—36, 61. Ср. об экзархах — вождях славянских племен у Феофана (Вопнае, I, p. 425), а также в Acta Demetrii, показания которых собраны в работе A. Tougaard. De l'histoire profane dans les actes grecs des Bollandistes. Paris, 1874, p. 126.

³² F. Dvorník. La Vie de s. Grégoire... , p. 62.

³³ Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis, Bonnae, p. 635.

Константин сообщает, что Михаил принял также и тех славян Субделитской земли, которые возмутились, бежали в горы, но потом опять подчинились³⁴. Если принять весьма правдоподобное предположение, согласно которому Субделития (Σουβδελίτια) есть не что иное, как Сагудатия³⁵ — страна сагудатов, живших здесь в непосредственном соседстве с другувитами, то „архонтию“ следует поместить именно здесь. Очевидно, где-то поблизости от Фессалоники располагалось и „славянское княжение“ (княжение словенско) Мефодия³⁶. В свое время Э. Дюммлер высказал мнение, что княжеский титул, который, по житию, носил Мефодий, более всего соответствует должности стратига Стримона³⁷. Дворник также предполагал, что это княжение могло быть будущей Стримонской фемой, которая во времена юности Мефодия была еще княжением (ἀρχοντία)³⁸. Однако, как справедливо отмечает П. Лемерль, у нас нет никаких свидетельств в пользу того, что Стримонская область образовывала в IX в. ἀρχοντία³⁹.

Прямые и косвенные данные, содержащиеся в сочинении Камениаты об этой, населенной славянами, области Стримона представляют совершенно исключительный интерес.

Вопрос о создании Стримонской фемы, ввиду почти полного молчания источников, а также неясности их показаний, до сих пор не может, как известно, считаться окончательно решенным. Согласно предположению П. Лемерля, началом создания Стримонской фемы явилось пребывание там чрезвычайной миссии Алексея Мозеле в период между 831 и 832 гг.⁴⁰; учреждение Стримонской фемы относят, во всяком случае, не позднее, чем к концу IX в., когда в Клеторологии Филофея появляется первое упоминание о стратиге Стримона⁴¹.

Если мы обратимся к сочинению Камениаты, то увидим, что в подтверждение данных Клеторологии Филофея там тоже фигурирует стратиг Стримона. Камениата трижды в своем повествовании называет главу Стримонской области *στρατηγὸς Στρίμωνος*⁴².

Однако при существующем представлении о стратиге Стримона как о верховном греческом начальнике этой фемы, поставленном в результате долгой борьбы византийского правительства с непокорными славянскими племенами Стримонской области для осуществления здесь фемного управления и обеспечения полного подчинения этих племен власти империи, совершенно непонятными выглядят те обвинения, которые адресует на его счет Камениата. Как мы уже видели, всю вину за то, что стримонские славяне так и не явились в Фессалонику, Камениата приписывает их стратигу⁴³. Едва ли здесь можно удовлетвориться объяснением В. Н. Златарского, будто „при отказе славянских вождей стратиг оста-

³⁴ Constantinus Porphyrogenitus, p. 634.

³⁵ Впервые это предположение было высказано еще Шафариком (P. Šafařík. Slovanské starožitnosti, t. II, str. 238), а затем принято и другими учеными (см., например, М. С. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами, стр. 167).

³⁶ Паннонское житие Мефодия, гл. II. В. А. Бильбасов. Кирилл и Мефодий, ч. II. СПб., 1871, стр. 257.

³⁷ E. Dümmler. Die pannonische Legende vom heiligen Methodius. Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen. 13-er Band. Wien, 1854, S. 165.

³⁸ F. Dvorník. Les Légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance. Byzantinoslavica supplementa, t. I, Prague, 1933, p. 15—18.

³⁹ P. Lemerle. Philippes et la Macédoine... , p. 128.

⁴⁰ Ibid., p. 127.

⁴¹ J. B. Bury. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. With a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. London, 1911, p. 147.

⁴² Cameniata, p. 514,15; 515,8—9; 569,17.

⁴³ См. выше. стр. 86.

вался бессилён⁴⁴. Камениата с предельной ясностью говорит, что именно сам стратиг Стримона решил, что ни он по своему желанию (οὐτε αὐτὸν δι' ἑαυτοῦ) и никто из людей, находящихся под его властью (οὐτε τινὰ τῶν ὑπ' αὐτὸν ὄντων), не окажет помощи городу⁴⁵. В чем искать причину этого решения стримонского стратига, не пожелавшего предотвратить захват и разграбление арабами второго по своей величине и значению города Византийской империи? Невольно возникает вопрос — не был ли и сам этот стратиг славянином? Ведь и говорить об его поведении Камениата начинает как бы в разъяснение своих утверждений о неблагонадежности славянских архонтов: указав на вековую вражду их к фессалоникийцам (τῷ πλῆσιόν ἐξ ἔθους ὄντας ἐπιβουλεύεσθαι)⁴⁶, Камениата, как мы могли видеть из процитированного выше отрывка, непосредственно переходит к рассказу об обращении Никиты за помощью к стратигу Стримона⁴⁷. Он упрекает стратига в обычной его злокозненности (οὐδὲν ἦττον ἢ πρότερον εἶχε τῆς συνήθους ἐκείνου κακοβουλίας ἐχόμενος)⁴⁸, в том, что тот тайно осуществил против фессалоникийцев какой-то свой замысел (ἔλαθε συμπεράνας τὴν καθ' ἑμῶν ἐπιβουλὴν)⁴⁹, надсмеявшись над их гибелью (τῷ ὀλέθρῳ μέγα καὶ κομψὸν ἐγγελάσας, ᾧ συνεσχέθημεν)⁵⁰. Трудно себе представить также, чтобы грек, стратиг одной из фем Византийского государства, мог „ставить ни во что“ (εἰς μηδὲν θέμενος), по выражению Камениаты⁵¹, захват врагом Фессалоники.

Присмотримся и к другим деталям сочинения Камениаты, связанным так или иначе с личностью стримонского стратига.

Камениата рассказывает, что незадолго до осады Фессалоники в город прибыл „по какой-то надобности (τινῶν χραιῶν ἐνεκεν)“ императорский евнух Родофил (Ῥοδοφύλης), который направлялся на Запад с большим количеством золота (πλῆθος χρυσίου), предназначенным для оказания помощи сицилийскому войску, сражавшемуся с африканскими арабами⁵². В ночь перед захватом Фессалоники Родофилу удалось отослать это золото на хранение стратигу Стримона⁵³. Камениата не объясняет, почему Родофил отправил золото именно стримонскому стратигу, — поступок, который выглядит по меньшей мере странным, если сопоставить его с теми упреками во враждебном отношении к фессалоникийцам, которые посылает Камениата по адресу этого стратига. Мы узнаем только, что будучи захвачен в плен и приведен ко Льву Триполийскому, Родофил предложил предводителю арабов за сохранение своей жизни и в возмещение вынесенных из города денег многие другие ценности, но последний, придя в ярость, приказал забить Родофила до смерти⁵⁴.

В ходе дальнейшего повествования Камениата сообщает, что когда Лев Триполийский отдал приказ о сожжении города, некий Симеон,

⁴⁴ В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. I, ч. 2. София, 1927, стр. 331.

⁴⁵ Cameniata, p. 515,14—15.

⁴⁶ Ibid., p. 515,5.

⁴⁷ См. выше, стр. 85, 86.

⁴⁸ Cameniata, p. 515,11—12.

⁴⁹ Ibid., p. 515,18.

⁵⁰ Ibid., p. 515,19.

⁵¹ Ibid., p. 515,14.

⁵² Ibid., p. 569,6—14. Дальше (569,22—23) Камениата указывает, что Родофил вез 2 таланта золота (δυσ таланτα). Согласно Симеону Логофету (Simeonus Logothetus, Вопнае, р. 708) и другим хронистам (Theophanes Continuatus, VI, 21. Вопнае, р. 368; Cedrenus, Вопнае, II, р. 262), сумма имевшегося у Родофила золота доходила до 100 литр золотом (λίτρας ρ'; λίτρας ἑκατόν).

⁵³ Cameniata, p. 569,14—15.

⁵⁴ Ibid., p. 569,19—571,1—10.

посланный незадолго до того императором в Фессалонику по некоему важному делу (*δι' αἰτίαν τινὰ χρυσίδην*), доставил в город золото, отосланное Родофилом стримонскому стратигу, и передал его предводителю арабов в качестве выкупа за город⁵⁵.

Эти показания Камениаты несколько расходятся, однако, со свидетельством, содержащимся в житии патриарха Евфимия — источнике, написанном современником Камениаты. Житие рассказывает, что Симеон употребил на откуп Фессалоники отосланные раньше им самим подарки и золото, которые были предназначены болгарам (*τὴν εἰς βουλγάρους παρ' αὐτοῦ ἀποσταλεῖσαν φιλικὴν δεξίωσιν μετὰ καὶ τῆς ὀλκῆς τοῦ χρυσοῦ τοῖς Ἀρχφί παρασχομένους*)⁵⁶.

В. Н. Златарский, анализируя данные Камениаты и жития Евфимия, пришел к выводу, что целью прибытия Родофила в Фессалонику, целью, о которой Камениата сознательно умалчивает, как раз и было доставить предназначенные болгарам подарки и деньги⁵⁷.

Константинопольское правительство, как предполагает В. Н. Златарский, обеспокоенное отказом славян оказать помощь Фессалонике, и полагая, что их поведение было делом болгарской политики и влияния, решило попытаться при помощи золота и подарков вооружить болгар, а вместе с ними и окрестных славян против арабов⁵⁸. Родофилу и было поручено преправить деньги болгарам через стримонского стратига⁵⁹.

Если даже согласиться с этой гипотезой В. Н. Златарского, то не может не возникнуть вопроса, почему в такой ответственный момент, когда дорог был каждый час, решено было действовать через посредство стримонского стратига, известного к тому же своей враждебной настроенностью к Фессалонике? Почему царский посланец не мог связаться прямо с болгарами? Не значит ли это, что стратиг Стримона служил не только передаточным звеном между византийским уполномоченным и болгарам, а играл в этом деле какую-то совершенно самостоятельную роль?

Но и сам по себе ход мыслей В. Н. Златарского недостаточно обоснован. Очень сомнительно, чтобы стратиг Никита, которому принадлежала инициатива обращения за помощью к славянам и который прибыл в Фессалонику уже после приезда туда Петроны, известного о движении арабского флота к Фессалонике и начавшего оборонительные работы, и даже после приезда Льва, сменившего Петрону, — чтобы Никита успел не только уведомить Константинополь об отказе славян, но чтобы правительство успело и откликнуться на этот сигнал, прислав в Фессалонику Родофила. Да ведь и „отказ“ этот носил весьма неопределенный характер: как мы уже видели, стримонский стратиг до последнего дня обещал явиться в Фессалонику со своим войском⁶⁰.

Нам думается, дело обстояло несколько иначе. Родофил действительно оказался в Фессалонике проездом, направляясь на Запад⁶¹.

⁵⁵ *Cameniata*, p. 574,^{10—13}; 576,^{16—21}.

⁵⁶ *Vita Euthymii*, ed. C. de Boor, XV, § 10. Berlin, 1888, p. 53—54.

⁵⁷ В. Н. Златарски. История на Българската държава... стр. 336.

⁵⁸ Там же, стр. 332, 337.

⁵⁹ Там же, стр. 337.

⁶⁰ См. выше, стр. 86.

⁶¹ Симеон Логофет (*Symeonius Logothetus*, p. 707) сообщает, что Родофил был послан *πρὸς τοὺς Φράγγους*. В. Г. Васильевский, касаясь этого известия Логофета, отмечает его неясность и считает, согласно показаниям Камениаты и продолжателя Амартола (Вопнае, р. 863), что Родофил вез золото в Сицилию (В. Г. Васильевский. О жизни и трудах Симеона Метафраста. ЖМНП, 1880, ч. ССХII, декабрь, стр. 413, 414).

Согласно сообщениям некоторых византийских хронистов, он заехал в Фессалонику, чтобы вылечиться, так как по пути заболел⁶². Очувшись перед лицом нависшей над городом опасности, зная, что судьба города во многом зависит от прибытия войска стратига Стримона (его одного, если город будет захвачен врагом, грозил, как мы видели, обвинить перед императором Никита), и видя всю тщетность воззваний руководителя обороны, Родофил решил послать стратигу имевшиеся у него деньги, — поступок, понятный, опять-таки, только в том случае, если стратиг был славянином и не желал, таким образом, безвозмездно сражаться за чужие интересы. В правильности же самого предположения о действительном назначении отосланных Родофилом в Стримон денег едва ли можно сомневаться, если вспомнить, с каким возмущением говорит Камениата о том, что славянские архонты стремились прежде всего к получению подарков (δωροληψίαις τε ἐπιμαχιομένοι) и поэтому так неохотно отзывались на призыв Никиты⁶³. Стримонский стратиг, не отказываясь в принципе прийти на помощь городу, почему-то медлил, оттягивал свое прибытие, т. е. совершенно очевидно, ожидал за это какого-то вознаграждения. Таким вознаграждением и должны были послужить деньги, отосланные Родофилом стратигу. Родофил, попав в плен к арабам, стремился, естественно, скрыть истинное их назначение. Камениата указывает, что он отослал эти деньги стримонскому стратигу на хранение, написав письмо, чтобы тот хранил их до окончания войны (φυλάττειν τοῦτο μέχρι τῆς ἐκβάσεως τοῦ πολέμου)⁶⁴. Трудно, однако, представить, чтобы Родофил не мог найти в самом городе надежного места для их укрытия. Сама жестокая расправа Льва Триполийского с Родофилом объясняется, по-видимому, именно тем, что Лев узнал о действительном назначении золота, вынесенного Родофилом из города; становится понятной и ярость предводителя арабов, не согласившегося помиловать Родофила, который обещал предоставить за сохранение своей жизни „многие другие ценности“ (πολλῶν ἄλλων χρημάτων)⁶⁵.

В том, что золото Родофила было отправлено именно стримонским славянам, убеждает, наконец, и то обстоятельство, что на следующий день после того, как золото было отослано, стратиг Фессалоники приказал предводителям славян Фессалоникской фемы (οἱ τῶν Σκλαβήνων ἡγούμενοι), участвовавшим во главе своих отрядов в обороне города, встретить „союзников-стримонцев“ (τῶν Στρυμονιτῶν συμμάχων)⁶⁶.

⁶² Georgius Hamartolus, Bonnae, p. 863; Theophanes Continuatus, Bonnae, p. 368.

⁶³ См. выше, стр. 85.

⁶⁴ Камениата, р. 569,14—19. Сам же Родофил на вопрос Льва Триполийского о том, куда он дел золото, которое ему приказано было отвезти в Сицилию, предпочел ответить еще более неопределенно: „оно там, куда я его спрятал“ (τοῦτο δὲ εἰς ὅπου χετέλημαι — р. 569,23 — 570,1).

⁶⁵ Ibid., р. 570,8.

⁶⁶ Ibid., р. 545,13— р. 546,1—4. Правда, Камениата, будучи, может быть, просто недостаточно осведомлен обо всех мероприятиях руководителей обороны, а, может быть, и движимый враждебным чувством к славянам, пытается изобразить выход из города славянских предводителей для встречи стримонцев как „некий хитрый предлог“ (πρόφασιν τινα δολίαν), обвиняя их в том, что в самый опасный момент они оставили город, обратившись в бегство. Этот выпад Камениаты совершенно несовместим, однако, с его же указанием на то, что, выйдя из города, славянские предводители заперли за собой ворота. Тем самым славянские военачальники преграждали выход из города не только горожанам, по поводу чего так негодует Камениата, но и своим же славянским войнам, оставшимся в городе. В распоряжении славянских предводителей оказались ключи от ворот; выйдя через эти ворота, они оставили одного своего человека, заперевшего эти ворота изнутри; это обстоятельство совершенно ясно показывает, что они действовали не „как будто“ (δῆθεν), а на самом деле по приказу фессалоникского стратига и что ни о каком бегстве здесь не могло быть речи.

Доставить золото стримонскому стратигу должен был, по всей вероятности, Симеон. Камениата пишет, что золото было вынесено из города в ночь перед его падением⁶⁷. Из его рассказа видно также, что в тот день, когда арабы ворвались в город, Симеона в нем не было, — он вернулся туда вместе с теми горожанами, которые укрывались во время осады Фессалоники вне ее пределов и пришли после ее взятия, чтобы выкупить своих родственников, попавших в плен⁶⁸.

Свидетельство жития Евфимия о том, что Симеон использовал для откупа Фессалоники подарки и золото, предназначенные болгарам, можно легко объяснить территориальной и этнической близостью стримонских славян и болгар.

Часть стримонских славян, как показывает житие 15-ти Тивериупольских мучеников, входила при царе Борисе (852—889) в состав болгарского государства. Во главе этих славян стоял комит Дистр (*Δίστρος ὁ κομης*)⁶⁹. Чрезвычайно любопытно, что на двух пограничных столбах, обнаруженных в конце прошлого столетия в 22 км к северу от Фессалоники (они определяли границу между Византией и Болгарским государством и были установлены, как показал Ф. И. Успенский, в 904 г.), имелась надпись, в которой фигурировал болгарин *Δρίστρος*⁷⁰. Уже Г. Баласчев в своей статье, посвященной этой надписи, высказал догадку о том, что это лицо тождественно с *Δίστρος ὁ κομης* жития Тивериупольских мучеников⁷¹. Мы можем, таким образом, видеть, что положение в области стримонских славян в 904 г., т. е. в год захвата Фессалоники арабами, было таково, что для разрешения споров о ней между Болгарией и Византией потребовалось установление специального пограничного столба.

Все это лишний раз объясняет ту неточность, которую мог допустить автор жития Евфимия, отождествляя славян с болгарами.

Известия, содержащиеся в сочинении Камениаты, показывают, что хотя стримонские славяне, находившиеся под началом стратига Стримона, и признавали верховную власть империи, однако их зависимость от Византии носила в значительной степени номинальный характер. Возможно, отношения между империей и стримонскими славянами основывались на каких-то договорах союзнического характера, — Камениата неизменно прилагает к стримонцам термин „союзники“⁷². Во главе стримонских славян стоял стратиг, который сам был, как мы пытались показать, славянином⁷³. Камениата, приводя имена всех главных действующих лиц

⁶⁷ См. выше, стр. 88.

⁶⁸ *Самениата*, р. 574, 8—10. Симеон не успел, судя по всему, доставить золото стримонскому стратигу. Камениата рассказывает, что эти два таланта золота были доставлены предводителю арабов, „оттуда, где они были спрятаны“ (*ὅθεν ἐκρύπτοντο*).

⁶⁹ *PG*, t. 126, col. 213.

⁷⁰ Ф. И. Успенский. Пограничный столб между Византией и Болгарией при Симеоне. ИРАИК, III. София, 1898, стр. 184 сл.

⁷¹ Г. Баласчев. Новонайденята надпись от времето на царь Симеон. *Български Преглед*, год IV, кн. XII, стр. 74, 75. См. рецензию на эту работу В. Н. Златарского в „Сборник за народни умотворения, наука и книжнина“ (кн. XV. София, 1898, стр. 34 сл.).

⁷² *Самениата*, р. 515, 20; 546, 3.

⁷³ В самом этом факте нет ничего необычного. Как известно из жития Григория Декаполита, в начале 20-х годов IX в. во главе Славинии также стоял славянский экзарх (*ἐξάρχης*). *F. Dvornik. La Vie de s. Grégoire le Décapolite...*, р. 35—36, 61). История Болгарии после ее завоевания Василием II (976—1025) показывает, что в некоторых случаях византийское правительство оставляло болгар правителями областей — стратигами. Факты такого рода приведены в неопубликованной диссертации Г. Г. Литаврина „Борьба болгарского народа против византийского ига“ (М., 1954, стр. 194 сл.).

Если принять во внимание то обстоятельство, что еще во времена Григория Декаполита, в 30-х годах IX в., в руках греков в области поселений стримонских славян

фессалоникской драмы, упорно не называет, к сожалению, имени стримонского стратига, — факт, между прочим, сам по себе довольно показательный: хорошо известно, как старательно избегали византийские писатели появления в своих сочинениях не-греческих, „варварских“ имен.

Возможно, позиция, занятая стримонским стратигом по отношению к Фессалонике, обуславливалась договоренностью с болгарским царем Симеоном, находившимся до конца 904 г. в состоянии войны с империей⁷⁴. И хотя трудно согласиться с В. Н. Златарским в том, что сами славяне без поддержки болгар не могли бы действовать самостоятельно, опасаясь закрепления арабов на полуострове (разумеется, ни в планы, ни в возможности разбойничьего флота Льва Триполийского не могла входить столь ответственная задача), сама мысль о том, что за отказом стримонских славян явиться на помощь Фессалонике виднелась рука болгарского царя, стремившегося использовать нападение арабов на город для привлечения на свою сторону еще оставшихся под властью империи славян, представляется весьма правдоподобной⁷⁵.

Предпринятая после разграбления арабами Фессалоники попытка болгарского царя Симеона занять город в союзе со славянами⁷⁶, является, возможно, и объяснением сущности того заговора против Фессалоники, в котором Камениата обвиняет стримонского стратига. Таким образом, данные Камениаты свидетельствуют о том, что стримонские славяне в начале X в. находились в своеобразном, почти независимом от империи положении. Подчинение фессалоникских славян также было весьма условным: сама по себе обязанность выплачивать империи подати говорит еще очень немного, — нам неизвестно, насколько исправно выплачивались эти подати; повиновение же этих славян власти стратига Фессалоникской фемы в значительной степени зависело от воли и желания их вождей, архонтов.

Чрезвычайно любопытны разбросанные в сочинении Камениаты указания на высокую степень боеспособности славян в начале X в. Из сообщения Камениаты видно, что луком — оружием, которым славяне особенно охотно пользовались при первых своих вторжениях в пределы Византийской империи, они продолжали прекрасно владеть и в X в. Камениата рассказывает, что славящиеся своим искусством стрельбы из лука (τῆς τοξικῆς ἐμπείρων) славяне должны были, по плану Никиты, протопытать при защите Фессалоники арабам, также весьма опытным в пользовании этим видом оружия⁷⁷. Несмотря на то, что в город яви-

---

оставалась только узкая прибрежная полоса с Христоподем, где находилась византийская армия Алексея Мозеле, а стримонские славяне, выйдя из-под власти империи, полными хозяевами разъезжали по рекам на своих лодках-моноксилах и делали опасным проезд для греков через контролируемую ими зону (F. Dvornik. La Vie de s. Grégoire le Décarolite. . . , р. 21, 54), легко понять, почему византийское правительство, добиваясь умиротворения славян этой области, постаралось поставить во главе их славянина. Возможно, именно этим особым положением Стримонской области и объясняется несколько путаное свидетельство Константина Порфирородного о Стримонской феме-клясуре (Constantinus Porphyrogenitus. De thematibus, Bonnæ, р. 50).

⁷⁴ См. нашу статью „Ремесло и торговля Фессалоники конца IX—начала X в. по данным Иоанна Камениаты“. ВВ, т. VIII, 1956, стр. 65.

⁷⁵ См. В. Н. Златарски. История на Българската държава. . . , стр. 332, 336.

⁷⁶ Известие об этом намерении Симеона имеется в одном из писем Льва Магистра. — I. Sakkelion. Λέοντος Μαγίστρου ἀνθυπάτου πατριχίου, Συμεῶν ἕρχοντος Βουλγαρίας καὶ τινῶν ἄλλων ἐπιστολαί. Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος. Athènes, 1883. См. В. Н. Златарски. История на Българската държава. . . , стр. 339.

⁷⁷ Cameniata, р. 514, 16—18.

лись лишь очень немногочисленные славянские отряды, славяне, сражаясь на самых опасных и ответственных участках крепостной стены, до самой последней минуты, как показывает рассказ Камениаты о ходе осады, стойко и смело отражали натиск своего хорошо и разнообразно вооруженного противника. Славянские лучники были сосредоточены на приморской стене, там, где ожидался главный удар врага. „Горожане, — пишет Камениата, — не пренебрегали стрельбой из лука, но усердно о ней позаботились, поставив всех славян, пришедших из ближних областей (πάντας τους ἐκ τῶν πλησίον χωρῶν προσρύντας Σκλαβήνους) — на эти места. . .“⁷⁸. Успехом первого дня обороны защитники Фессалоники были обязаны в первую очередь славянам. После безрезультатных попыток приблизиться к крепостной стене арабы вынуждены были отступить. „Ибо, — рассказывает Камениата, — (варвары), издали метаящие тучи стрел, затемняющие самый воздух, не в меньшей степени и сами испытывали обстрел стрелами, посылаемыми метко и редко не попадающими в цель“⁷⁹. Многочисленные и искусные отряды стрелков-лучников из фессалоникских и особенно, по-видимому, стримонских славян, представляли, таким образом, во времена Камениаты значительную воинскую силу.

Уместно указать, что в типике Исаака Комнина монастырю Мироспассительницы близ Эноса, относящемуся к 1152 г., фигурируют „две исполняющие военную службу деревни — Дилиана и Драгабаста“ (τὰ ἐστρατευμένα δύο χωρία τοῦ τε Διλιανοῦ καὶ ἡ Δραγάβαστα)⁸⁰. В другом месте типика отмечается, что в упомянутых деревнях жили стратиоты (στρατιῶται)⁸¹. Жителями одной из этих деревень, Драгабасты, были, несомненно, славяне-другувиты, поселения которых во Фракии хорошо известны⁸².

Данные типика, следовательно, говорят о том, что и фракийские другувиты, составлявшие, по всей вероятности, как и другувиты фессалоникские, отдельную ветвь некогда единого и большого славянского племени другувитов⁸³, также отличались своими превосходными военными качествами и использовались империей в качестве стратиотов.

⁷⁸ *Самениата*, р. 523,4—7.

⁷⁹ *Ibid.*, р. 524,5—8. Интенсивно действовали славянские лучники и во второй день осады (*Ibid.*, р. 528,9—10). Ср. также р. 535,17—18.

⁸⁰ *L. Petit. Typicon du monastère Kosmosotira près d'Aenos (1152)*. ИРАИК, XIII, 1908, р. 52.

⁸¹ *Ibid.*, р. 71.

⁸² См., например, *S. Jireček. Die Heerstrasse von Belgrad nach Konstantinopel und die Balkanpässe*. Prag, 1877, S. 120. По соседству с другувитами, как показывает типик (р. 52), — точно так же, как и в окрестностях Фессалоники, — жили сагудаты.

⁸³ Труднее, конечно, допустить родство этих другувитов с русскими дреговичами. Как известно, Константин Порфирородный (*De administrando imperio*, сар. 9, Вонпае, р. 79), перечисляя народности, жившие в его время на Руси и платившие ей дань (πληθῆσται τῶν Ῥώσ), упоминает, в частности, другувитов (τῶν Δρουουβιτῶν). В „Повести временных лет“ (Изд. АН СССР, 1950, I, стр. 11) говорится о дреговичах, живущих севернее древлян, за Припятью и вплоть до Западной Двины. В свое время Филарет, останавливаясь на вопросе о родстве между македонскими и русскими другувитами, приходил к выводу, что русские дреговичи жили на Руси, как и в районе Фессалоники, по соседству с сагудатами (которых он склонен был видеть в живших под Карпатами, в Драгово, сотаках) и что, следовательно, русские дреговичи и сотаки имели общее происхождение с македонскими другувитами и сагудатами (Св. великомученик Димитрий и солунские славяне. Чтения ОИДР. М., 1848, кн. 6, стр. 26, 27, 31). М. С. Дринов, напротив, не находил возможным отождествлять фессалоникских и русских другувитов (Заселение Балканского полуострова славянами, стр. 169. Ср. также *L. Niederle. Manuel de l'antiquité slave*, р. 106). П. Н. Третьяков, в вышедшей в недавнее время работе, посвященной историческим судьбам восточно-славянских племен, считает вполне допустимым сопоставление фессалоникских и фракийских другувитов с полабскими [?] драговичами. (П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. М., 1953, изд. 2, стр. 200).

Типик Исаака Комнина чрезвычайно интересен также тем, что он показывает стратиотов деревень Дилианы и Драгабасты в процессе их закрепощения. Исаак отмечает, что стратиоты этих деревень „платили подати нам“ (ὑποτελεῖς ἡμῶν)⁸⁴, т. е. Исааку. С пожалованием Исааком этих деревень монастырю Космосотиры, они попали в податную зависимость от монастыря, пользовавшегося полной экскуссией от государственных налогов⁸⁵. Исаак Комнин советует игумену монастыря использовать для своих целей и военную силу стратиотов этих деревень⁸⁶. Правда, жители Дилианы и Драгабасты противились закрепощению, упорно отстаивали свою свободу. Исаак указывает, что они „не раз творили бесчинства по отношению к их соседям и управляющему (προνουτεύοντι) наших деревень, и противятся, таким образом, внесению причитающихся с них платежей, осмеливаясь, возможно даже, применять оружие“⁸⁷. Исаак Комнин советует игумену, для успешного достижения своих целей, принимать стратиотов „с распростертыми объятиями“ (ὀλίγηρῶς), относиться к ним как можно более благосклонно⁸⁸.

Но при всем этом сам факт податной зависимости стратиотов Дилианы и Драгабасты непосредственно от феодала, а также — использования последним в своих интересах их военной силы вряд ли может оставить сомнение в том, что полное закрепощение этих стратиотов было делом недалекого будущего.

Вернемся, однако, к интересующим нас здесь македонским славянам X в. Близость такого крупнейшего торгового и ремесленного центра Византийской империи, каким являлась Фессалоника, способствовала, надо полагать, ускорению процесса разложения окружавших город славянских общин и перехода их земель в руки частных лиц. Упомянутая выше запродажная 897 г. свидетельствует о том, что часть земельных владений общины другувитов, расположенной к востоку от Фессалоники, уже в конце IX в. стала частной собственностью некоей вдовы Георгии, которая получала оброчные платежи с зависимых крестьян. Запродажная показывает, что земли общины к концу IX в. находились в состоянии сильного запустения; она свидетельствует также о расширении монастырского землевладения в это время за счет средних и мелких крестьянских владений, в том числе и владений, принадлежавших ранее славянской общине⁸⁹. Житие Илариона Грузина рассказывает о том, что отправившись однажды за город для обозрения своих пашен, дякон фессалоникской церкви св. Димитрия был захвачен скифами и уведен ими в плен⁹⁰. Возможно, это сообщение может быть истолковано именно как реакция славян на захват их земель.

Однако славянские общины другувитов и сагудатов, занимавшие центральную часть равнины, простиравшейся к западу от Фессалоники, продолжали сохранять, как показывает Камениата, свободу и независимость. Уплата податей империи, равно как и обязанность поставлять

⁸⁴ L. Petit. Typicon du monastère Kosmosotira, p. 71.

⁸⁵ Ibid., p. 21, 26.

⁸⁶ Ibid., p. 71.

⁸⁷ Ibidem.

⁸⁸ Ibidem. Подробный анализ этого типика дается в диссертации Г. Г. Литаврина („Борьба болгарского народа против византийского ига“, стр. 25, 64—66, 84 и др.). Пользуемся случаем, чтобы выразить ему нашу признательность за указание на ряд ценных свидетельств этого документа.

⁸⁹ G. Rouillard et P. Collomp. Actes de Lavra, I. Paris, 1937, p. 1—4. См. Е. Э. Липшиц. Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв. н. э. Сборник статей „Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия“. М., 1952.

⁹⁰ Х. Лопарев. Греческие жития святых VIII и IX вв. Пгр., 1914, стр. 60, 61.

военные контингенты, свидетельствует о том, что эти славяне оставались в начале X в. лично свободными людьми, владевшими земельными участками.

Показания Камениаты наряду с данными других имеющихся в нашем распоряжении источников позволяют установить, что эти свободные славяно-земледельцы являлись тем производительным населением, которое снабжало город основным продуктом питания — хлебом. Жившие здесь другувиты занимались земледелием еще в VII в. Acta Demetgii сообщают, что они должны были обеспечивать съестными припасами (*δραψμας*) весь многочисленный народ Кувера, расположившийся в Керамезийском лагере, поблизости от Фессалоники⁹¹. Из описания же Камениатой окрестностей города можно видеть, что зерновые культуры возделывались преимущественно как раз на западной его равнине, лишенной, за исключением прилегающей к городу полосы, деревьев и занятой исключительно под пахотные земли⁹². Западная равнина славилась плодородием и в более позднее время. Никифор Хумн писал в XIII в., что эта равнина служила городу житницей и была богата всем, что только может доставлять земля⁹³.

Жившие в окрестностях Фессалоники славяне играли и другую немаловажную роль в экономическом развитии города. Судя по известиям Камениаты, одной из наиболее развитых отраслей городского ремесла в конце IX—начале X в. являлась обработка металлов⁹⁴. М. Я. Сюзюмов, касаясь показания Камениаты о наличии в Фессалонике огромного количества меди, железа, олова и т. п., отмечал, что той ближней области, откуда ремесленники, изготавливавшие металлические предметы, могли получать все эти металлы, была Фессалия⁹⁵. Возможно, Фессалия действительно была поставщиком некоторой части сырья для мастеров по металлу. Но основным районом рудных разработок в окружающих Фессалонику областях была, как мы уже имели случай отметить, Халкидика⁹⁶.

Нам известно, вместе с тем, что в рассматриваемое время, как еще и в течение ряда последующих столетий — о чем с неоспоримостью свидетельствует целый ряд источников, в частности, акты Афонских монастырей, — вся область между Фессалоникой и Афоном была густо заселена славянами⁹⁷. В самом центре рудных разработок — в Сидерокавсии мы находим села с названиями славянского происхождения: Ляригово, Низворо, Новосело, Раваникия и др. — поселения, с давних пор заселенные славянскими племенами, преимущественно ринхинами⁹⁸.

⁹¹ PG, t. 116, col. 1365. О местоположении Керамезийского лагеря см. Th. Tafel. *Historia Thessalonicae...*, p. XCVIII, n. 76; H. Grégoire. *L'origine et le nom de Croates et de Serbes. Byz.*, t. XVII, 1944—1945, p. 110, 111.

⁹² Cameniata, p. 495, 14—22. См. Р. А. Наследова. *Ремесло и торговля Фессалоники...*, стр. 67.

⁹³ Nicephorus Chumnos, ed. Boissonade. *Anecdota graeca*, II, p. 140. См. также Timarion, ed. A. Ellissen. *Analekten der mittel- und neugriechischen Literatur*, Bd. IV. Leipzig, 1860, S. 44.

⁹⁴ См. Р. А. Наследова. *Ремесло и торговля Фессалоники...*, стр. 69.

⁹⁵ М. Я. Сюзюмов. *Производственные отношения в византийском городе-эмпории. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Рукопись. Свердловск, 1953, гл. V, стр. 38.*

⁹⁶ Р. А. Наследова. *Ремесло и торговля Фессалоники...*, стр. 70.

⁹⁷ См. F. Dölger. *Aus den Schatzkammern der Hlg. Berges. München, 1948, особенно документы 65—79, 109, 110.*

⁹⁸ См. Th. Tafel. *Historia Thessalonicae...*, p. 68; М. С. Дринов. *Заселение Балканского полуострова славянами*, стр. 166. Славяне Сидерокассийских деревень были в рассматриваемое время свободными людьми. В царствование Льва VI их пыта-

Подтверждением того, что именно славянское население этого района занималось разработкой рудников, служат и лингвистические данные. На Сидерокавсийских рудниках в XVI в. жило, по свидетельству Белона, смешанное население, говорившее на славянском, болгарском, греческом, турецком и албанском языках⁹⁹, причем то различие, которое делает здесь Белон между славянским и болгарским языками, позволяет видеть, что мы имеем в данном случае дело с прямыми потомками тех славянских племен, которые осели на Халкидике еще в VI и VII вв.

Известно, наконец, что наибольшей живучестью в языках народов пользуются те слова, которые находятся в непосредственной связи с производством, а жители вышеназванных сел Сидерокавсийского округа еще в XIX в., в числе некоторых переделанных на греческий лад славянских слов („простихос“ — „простой“, „проводизо“ — „провожаю“, „сполокание“ — „полоскание“ и др.) употребляли чисто славянское слово „руда“¹⁰⁰.

Славянские племена, расположившиеся на крупнейшем торговом пути древности и средневековья — Via Egnatia, занимавшие исходный пункт на дороге, шедшей по долине Вардара на север, в Белград, издавна вели и торговлю. У Камениаты мы находим совершенно отчетливое указание на ту роль, которую играли другувиты и сагудаты в фессалоникско-болгарской торговле. Отметив, что селения сагудатов и другувитов находятся рядом с селами, входящими в состав Болгарского государства, Камениата пишет: „Впрочем, эти селения расположены поблизости друг от друга, и это, в добавление к другим преимуществам, немало содействует фессалоникийцам вступлению в торговые отношения со скифами, особенно когда у них мир между собой и они не поднимают оружия, вызывающего войну“¹⁰¹. Торговые связи Фессалоники с болгарями осуществлялись, как показывает Камениата, главным образом по рекам, протекающим по западной равнине, заселенной другувитами и сагудатами¹⁰². Другувиты и сагудаты были, таким образом, незаменимыми посредниками в торговле между Фессалоникой и Болгарией.

Рассмотренные свидетельства, принадлежащие перу жителя Фессалоники, современника описываемых событий, позволяют, таким образом,

---

лись подчинить себе монахи одного из Афонских монастырей, однако это им не удалось (см. П. Успенский. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1845 г. Киев, 1877, стр. 36). Подчинение этих деревень монастырем Иоанна Колову пошло более успешно позднее, в конце X в. В 996 г. монастырем были приобретены здесь рыбные ловли, мельница, а также право выпаса свиней в принадлежащем Сидерокавсийской общине дубняке (П. Успенский. История Афона, т. III, стр. 62).

⁹⁹ Belon. Observation. Paris, 1554, ch. 49: „Ceux qui habitent aux mines de Siderocapsa sont gens ramassés, et usent de langage different, comme esclavon, Bulgare, Grec, Turc, Albanois“.

¹⁰⁰ П. Успенский. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1845 г., стр. 36; Ср. J. Fallmerayer. Fragmente aus dem Orient, t. II. München und Leipzig, 1913, S. 53.

¹⁰¹ Cameniata, p. 496,8—13: πλὴν γειτνιάζουσιν ἀλλήλαις αἱ κῶμαι τὴν οἴκησιν, καὶ ἔστι καὶ τοῦτο πρὸς τοῖς ἄλλοις Θεσσαλονικεῦσιν οὐ μικρῶς συμβαλλόμενον, τὸ πρὸς τοὺς Σκυθὰς διὰ τῶν ἐμπορικῶν μεθόδων συναναμίγνυσθαι, καὶ μάλιστα ὅταν ἔχωσι πρὸς ἀλλήλους καλῶς καὶ μὴ κινῶσιν ὅπλα τὴν μάχην ἐξαγριάζοντα.

¹⁰² См. Р. А. Наследова. Ремесло и торговля Фессалоники. . . , стр. 73.

Любопытно отметить, что и фракийские сагудаты также занимались торговой деятельностью. Устав монастыря Миропасительницы упоминает τὸ ἐμπόριον ἢ Σαγούδαους. (L. Petit. Typicon du monastère Kosmosotira près d'Aenos, p. 52). Этот эмпорий был, вероятно, весьма значителен, если учесть, что мы снова встречаемся с ним в договоре о разделе империи в 1204 г., где он назван τὸ ἐμπόριον Σαγούδης. (Th. Tafel. Symbolarum criticarum, geographiam Byzantinam spectantium. Abhandlungen d. III. Cl. d. K. Akad. d. Wissensch. V Bd. II. Abth. (b), München, 1849, S. 57).

увидеть, что славянское население окружающих Фессалонику областей, сохраняя свою этническую целостность и пользуясь определенной политической самостоятельностью, являлось тем производительным населением прилегающих к городу районов, которое обеспечивало его жителей хлебом, поставляло сырье для городского ремесла по обработке металлов, а также содействовало фессалоникийско-болгарской торговле, в значительной степени способствуя тем самым экономическому благосостоянию города.
